

5. Степанов Ю.С. В перламутровом свете парижского утра... // Возвращение Гайто Газданова : Науч. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения. 4–5 дек. 1998 г. М. : Рус. путь, 2000. С. 25 – 39.

*“This sinister and squalid Paris...”
in the novel by G.Gazdanov “Night
Ways”*

*There is represented the central figure of
G.Gazdanov’s novel “Night Ways” – polyphonic
image of Paris – and its basic artistic incarnations.*

Key words: *G.Gazdanov, novel “Night Ways”, Paris, chronotop, artistic image, Babylon, Russian emigrant.*

С.Н. ЛЕБЕДЕВА
(Тольятти)

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
ТЕМЫ ДЕРЕВНИ В РОМАНЕ
М.Я. КАРПОВА «НЕПОКОРНЫЙ»**

Рассмотрена поэтика запрещенного после расстрела автора романа «Непокорный» М.Я. Карпова (1898 – 1937), чья проза не переиздавалась с середины 1930-х гг. Особое внимание уделено принципам художественного осмысления темы деревни 1920-х гг. Показан процесс трансформации духовной сущности сознания русского крестьянина как следствия революционных преобразований в деревне.

Ключевые слова: *забытый роман, послеоктябрьская деревня, трансформация сознания крестьянина.*

Творческое наследие Михаила Яковлевича Карпова (1898 – 1937), крестьянского писателя, вычеркнутого из истории русской литературы после ареста и расстрела, невелико – очерки, статьи, рассказы, несколько повестей и романов. Центральная тема его прозы – судьба крестьянства в послеоктябрьский период.

Роман М. Карпова «Непокорный» был издан в 1930 г. и до настоящего времени не переиздавался. Произведение вызвало интерес читателей, не осталось оно и без внимания критиков, которые оценили его противоречиво – от восхваления [1] до полного неприятия [2].

Примечательно, что тон и содержание статей изменились в начале 1932 г., после вынужденного ухода М. Карпова из редакции крестьянского журнала «Земля советская» [3] – именно тогда появились негативные отзывы критиков.

Роман состоит из трех частей – «Твердый закал», «Распутье», «Смерть – рождение», хронология событий – с 1917-го по 1927 г. Революция, Гражданская война, продразверстка, голод, нэп – Карпов показывает, как жители деревни Вязовки переживают эти и другие этапы «движения к коммунизму» [4, с. 93]. Названия частей романа обозначили доминанты этого процесса, изображенного через судьбы главного героя Степана и его родных – отца, бедняка Тимофея Северцева, потерявшего здоровье в борьбе с белыми, рано умершей матери Евгении, дяди Михея, братьев и сестер. «Непокорный» – социально-психологический роман, отразивший болезненные изменения в сознании крестьянина и деревенского быта в социально-историческом контексте 1920-х гг. Главный герой изображен в процессе взросления: в начале произведения он ребенок, подросток, просто Стенька, в конце – состоявшийся молодой человек, Степан Тимофеевич Северцев. Автору важно было показать, под воздействием каких факторов идет становление характера персонажа, формирование его мировоззрения. При этом роль «пролетариата и партии» остается на втором плане, и критики упрекали в этом Карпова. Революционный хаос и Гражданская война провоцировали агрессию в деревне, события в Вязовке разворачиваются под лозунгом «Греха нет и свобода!» (Там же, с. 22), нормой становятся поджоги, убийства, избиения, погромы. Карпов отображает борьбу за Советскую власть крестьян-большевиков и сопротивление «кулаков-белогвардейцев» через восприятие подростка Стеньки. Уже тогда начинает проявляться характер «непокорного», осуществляется его «закал»: в действиях персонажа проявляются озлобленность, решительность, бескомпромиссность. Итог пережитых утрат и потрясений – желание отомстить. Погиб отец, как жена большевика подвергнута публичной порке мать (вскоре тоже умерла), расстреляны многие односельчане. Игры деревенской детворы отражают реальные события, дети играют «в настоящую» войну» (Там же, с. 23), что свидетельствует об ущербе, искаженном сознании детей, вовлеченных в кровавые действия взрослых. Созданный писателем образ деревни 1920-х гг. драматичен. Граж-

данская война, самоистребление народа, как показывает Карпов, в деревне продолжались многие годы: Егор Воронов убил сына Петьку, объяснив это классовыми противоречиями: «Ты кумунист, и от тебя грех... Прогневался бог... Такого сына мало проклясть...» [4, с. 141]; сын кулака Толстоносова разоблачил отца: «Артель – покрывка моего тятки, он сам говорил! Но я не намерен батрачить на своего отца...» (Там же, с. 325). Деревня в романе противоречива, многолика, образ строится на метонимии: «пятистенки» – избы богатых крестьян, «трехоконные» дома середняков и «двухоконные» избышки крестьян-бедняков. Автор показывает контрастность восприятия перемен в деревне «пятистенными», «трехоконными» и «двухоконными». Развитие событий в деревне нередко сопровождалось проявлением в людях самых низменных инстинктов. «...Забыли указы стариков, вот и нажили беды», – объясняет Гаврила Вершинин (Там же, с. 100). Отчаянные, жестокие драки, самогонование, пьянство, насилие, самосуд (растерзан толпой белогвардеец и кулак Ероха Карюхин) – привычные атрибуты крестьянского быта. В романе много массовых сцен – шумных, непредсказуемых, веселых, драматичных. Этот «праздник обновления» деревни поставил крестьян перед выбором – не случайно писатель назвал вторую часть романа «На распутье». Ситуация осложнилась неурожаем 1921 г. и голодом: «...по деревням, из избы в избу, зашагала незваная гостья – смерть: умирали люди, падал скот» (Там же, с. 139). Степан, показанный в сомнениях, внутренней борьбе, страстях, в осознании своих слабостей и ошибок, был очевидцем и участником этих событий. Карпов использует для характеристики персонажей уже проявившийся в его ранней прозе прием – включение дневниковых записей, писем, воспоминаний, а именно дневник Степана и его письма брату, живущему в городе. Введенные в роман интимные документы передают оценки, отношение героя к людям и событиям, показывают его симпатии и антипатии, являются важнейшим средством психологического анализа. Вместе с тем отметим, что автор порой чрезмерно увлечен размещением в тексте дневниковых записей и писем. Это создает ощущение избыточности – читатель из них узнает о развитии событий, развязке сюжетных коллизий. Карпов намеренно уходит от многоаспектного, психологически глубокого изображения некоторых событий, которые в письмах или дневнике описываются или кратко комментируются персонажем. Можно предположить, что при-

чина описательности в том, что работа над романом шла одновременно с осуществлением кардинальных социальных преобразований в деревне, материал еще не был глубоко осмыслен Карповым. Вероятно, мешали и опасения, что авторская концепция исторических событий не вполне впишется в официальные трактовки и идеологические установки.

Перелом в сознании восемнадцатилетнего Степки произошел в дни смерти и похорон Ленина. До этого события молодой человек вел себя необузданно, агрессивно. Известие о смерти Ленина потрясло юношу: «Наш заступник, наш вождь умер!.. Не стало мужицкой надежды – Ленина...» [4, с. 176]. Кончина вождя заставила героя по-иному, критически оценить и свои поступки, и происходящее в деревне. Степка не намерен больше мириться с «темнотой» крестьянской жизни: «Сбесились с самогонки... – пишет он брату Николаю. – Партийные у нас гуляют и напропалую гонят самогонку, а дальше не знаю, что будет» (Там же, с. 157). Пьют не только простые крестьяне, но и представители власти: в дни траура в связи со смертью Ленина секретарь партиячейки Ванька Зюкин «запил с горя», а «ученый человек» коммунист Бойцов в состоянии длительного опьянения растерянно повторял: «Да что сделаешь с нашим народом? Не раскатать...» (Там же, с. 54). Степан понимал, что причины «дикости деревенской жизни» – в необразованности крестьян, отсутствии культуры. «Думаю только о том, как бы мне попасть в школу» (Там же, с. 167), – оставляет он запись в дневнике. Молодой человек много читает, по совету Бойцова изучает политэкономии. Вместе с тем «нутро» Степана протестует, принципы нередко отступают, вытесняются на второй план живыми чувствами, желаниями: «Обе его невесты, Улька и Васека, как скользкие налимы, показали хвосты. Сразу книги из ума вышибло» (Там же, с. 55). Примечательно, что в этом произведении (в отличие от романа 1926 г. «Пятая любовь») персонажи не столь категоричны в отрицании религиозных обрядов, православных традиций в жизни человека, но от веры кощунственно отказывались, «над богом, над иконами смеялись» (Там же, с. 268). В произведении показан процесс трансформации духовной составляющей сознания русского крестьянина как следствия революционных преобразований. Отказ от религиозной веры – одна из причин двойственности, противоречивости душевного состояния главного героя романа. Степан, активный борец «за мировую революцию», мог неожиданно ощутить «непрощенные чувства»: в церкви на вен-

чании Ульки и Паньки Толстоносова ему захотелось «остаться одному в церковной тишине, упасть на колени и молиться...» [4, с. 58]. Но это просветленное состояние подавлялось другими переживаниями – ревностью, ненавистью: «Искромсать Паньку, разворотить балаган, называемый церковью, сбросить иконостас, растоптать!» (Там же).

В процессе взросления Степан учился подавлять агрессию, старался направлять энергию в позитивное русло: закончил курсы агрономов, писал разоблачительные статьи на бытовые темы в местную газету, руководил комсомольской ячейкой. Особым событием в жизни Степана явилось участие в партийной конференции, чему посвящена отдельная глава третьей части романа с ироничным названием «Коммунистический рай». Приезд в город стал для героя настоящим открытием «другой», недеревенской жизни: торжественная атмосфера в зале заседаний, посещение ресторана, кинотеатра – все в первый раз. Смятение в душевный настрой Степана внесло его выступление на конференции. Автор передает волнение молодого человека, его досаду («самого главного не сказал!») через авторскую речь и внутренний монолог персонажа, эмоциональность которому придает обилие стилистических фигур. Отношение Степана к городу изменилось после нескольких месяцев работы «денежным инспектором» – восторг и робость ушли, а в дневнике появились записи о «бюрократизме служащих», «мещанстве городской молодежи», стремящейся «жалованье побольше получать, а работать меньше» (Там же, с. 261). Степан недоволен происходящим и в деревне – крестьяне заняты частными, необщественными делами: «скотину заводят, дворы чинят, избы новые ставят, женятся и выходят замуж...» (Там же, с. 268).

В главе десятой «Художник» (3-я часть) Карпов обращается к отношению мужика к труду на земле. В романе показано, что революция внесла изменения в систему крестьянских религиозно-нравственных представлений, в результате «крестьяне переставали быть крестьянами» [5, с. 15]. В семье бедняков Северцевых взрослые мужчины Степан и его дядя, большевик Михаил Северцев, не отличались трудолюбием, крестьянский труд в пореволюционной деревне для них стал в тягость. «Убежать хочется в клуб от проклятой работы... Сердце болит – комсомольская работа стоит» [4, с. 266]. В романе немного эпизодов, изображающих крестьянский труд, чаще они даны через восприятие главного героя и в основном безрадостны. Работая на домашнем дворе, на пашне, в лесу, Стенька

испытывает тоску, скуку – он трудился только для пищи, а не для «хлеба насущного», как это было долгие годы в крестьянской общине. Писатель показал, что вместе с религиозной верой ушло и отношение к полевым работам как к творческому, одухотворенному процессу, создающему особую психологическую атмосферу, эмоциональный подъем, ощущение радости труда. Позиция автора выявлена несобственно-прямой осуждающей речью жены Михея Аграфены: «Ох, не охочи мужики Северцевы до работы!... Северцевы последнее проживают, у Северцевых хозяина нет» [4, с. 267]. Подчеркнем, что речь идет о мужиках среднего поколения, старшие в семье – дед, родители Стеньки – при жизни трудились, не жалея себя, столетний дед хотел еще не просто пожить, а «годков пять поработать» (Там же, с. 197). Карпов показал нарушение принципа преемственности в крестьянской семье Северцевых, что подтверждает и характер Васки, подрастающего сына Михея: он «на работу ленивее отца со Стенькой, ему тоже только бы и торчать в клубе» (Там же, с. 268).

Вместе с тем автор отчасти оправдывает главного героя, готового работать «культурно», «не руками да на лошадах» (Там же, с. 260) – по-новому, с использованием машин, техники: «Пусть толкуют старики о старине, молодежь вперед глядит...» (Там же, с. 287). Степану удалось качественно изменить труд тех крестьян, кто вошел в организованное им машинное товарищество «Передовик», – это «то новое, к чему он шел всю свою жизнь» (Там же, с. 283). Писатель не скрывает трудностей формирования товарищества – в жесткой борьбе за выделение надела «из мирского котла», в преодолении сопротивления деревенских «пятystenочников» и районной бюрократической власти. С появлением «Передовика» изменилось настроение Степана, из его внутренних монологов ушли слова «тоска», «скука», появилось желание трудиться. Чувства Степана разделяли немногие земляки, противников товарищества было больше: помимо артели кулака Толстоносова, Степана не поддержала часть середняков и бедняков. Автор успешно использует в третьей части книги «хоровой» принцип организации повествования (термин Л. Киселевой), способствующий передаче напряженного спора, конфликта позиций, столкновения героев, представляющих разные классовые интересы. Нередко звучит открытый авторский голос: «Тут и загвоздка: дворы не одинаковые... Только на вид кажется – двух- и трехконные одинако-

вые люди, тихие да смиренные, стриги, не связывая, и называй кряду всех середняками, а попробуй брось в них камешек, – и зашумят разношерстными шмелями...» [4, с. 311]. Необходимо отдать должное автору романа – ему удалось обозначить социальное расслоение деревни конца 1920-х гг., начала вытеснения нэпа. Писатель показал, что мировосприятие крестьян в послереволюционной деревне определялось комплексом противоречивых факторов. Это прежде всего неприятие большинством крестьян частного капитала при нэпе, сопротивление этому, растерянность, беспомощность (наивное, потребительское поведение), озлобленность (люмпенский аспект сознания – зависть, нездоровое отношение к чужим доходам). Вместе с тем в сознании части крестьян (в основном старшего поколения) сохранились традиционные императивы, характерные для деревенской жизни и определяемые вековыми общинными устоями. М. Карпов смог показать процесс болезненного осознания крестьянами невозможности традиционного общинного образа жизни в контексте новых социально-психологических реалий и одновременно – туманное представление мужиков о будущем.

Литература

1. Красильников В. Роман М. Карпова «Непокорный» // Земля советская. 1930. № 12.
2. Жучков А. Опасные противоречия // Земля советская. 1932. № 3.
3. Лебедева С.Н. «Земля советская»: К истории забытого журнала // Изв. Самар. науч. центра РАН. Самара, 2008. Вып. № 9. С. 141 – 146.
4. Карпов М.Я. Непокорный. М. – Л. : ГИЗ, 1930.
5. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. М., 1996.

Artistic interpretation of the village theme in the novel by M.Y.Karpov “The Refractory”

There is regarded the poetics of the novel “The Refractory” by M.Y.Karpov (1898 – 1937) whose prose hasn’t been republished since the middle of the 1930s. Special attention is paid to the principals of artistic interpretation of the village theme of the 1920s. There is shown the process of transformation of spiritual essence of Russian peasant consciousness as a consequence of village revolutionary reforms.

Key words: *forgotten novel, post-October village, peasant consciousness transformation.*

Д.Н. ЖАТКИН, Е.И. ИЛЬЯЗОВА
(Пенза)

Н.В. ГЕРБЕЛЬ КАК ПЕРЕВОДЧИК ФРАГМЕНТОВ ПОЭМ ДЖОРДЖА КРАББА

Впервые осуществлен сопоставительный анализ оригинальных текстов фрагментов поэм Джорджа Крабба «Деревня» (“The Village”, 1783) и «Приходские списки» (“The Parish Register”, 1807) и их русских переводов, выполненных во второй половине 1850-х гг. Н.В.Гербелем. К анализу привлекаются сделанные А.В.Дружининым в середине 1850-х гг. подстрочные переводы фрагментов краббовских поэм, во многом ставшие основой для последующих интерпретаций Н.В.Гербеля.

Ключевые слова: *Джордж Крабб, русско-английские литературные и историко-культурные связи, художественный перевод, рецепция, компаративистика, традиция.*

Переводы трех отрывков из поэм Джорджа Крабба «Деревня» (“The Village”, 1783) и «Приходские списки» (“The Parish Register”, 1807), помещенные Н.В.Гербелем в 1856 – 1857 гг. в «Отечественных записках» [1, с. 345], «Библиотеке для чтения» [3, с. 114] и «Сыне отечества» [2, с. 941], были как прямо, так и косвенно обусловлены публикацией цикла литературно-критических статей А.В. Дружинина о Краббе. С одной стороны, дружининские материалы помогли Гербелю осознать значительность фигуры английского поэта-священника для западноевропейского литературного процесса, созвучность его творчества общественно-политическим процессам в России, стремлению современной русской литературы к максимально полному и отчетливому, неприукрашенному изображению всех сторон повседневной жизни. С другой стороны, подстрочные переводы А.В. Дружинина, вошедшие в его статьи, во многом стали фундаментом для всех трех переводов Гербеля, недостаточно хорошо владевшего английским языком. Интерпретации, выполненные в характерной для переводчика манере, не относились к числу творческих удач, однако отчасти восполняли существенные пробелы в русской рецепции Крабба, что во многом и обусловило их прижизненную републикацию в антологии «Английские поэты в биографиях и образцах» [5, с. 186 – 187] и во втором томе